

Prai'ns

По соображениям Совестьи

16+

Prai'ns

По Соображениям Совесть

«Автор»

2021

Prai'ns

По Соображениям Совесть / Prai'ns — «Автор», 2021

Раненый немецкий летчик, поневоле оказавшийся в тылу врага,
реабилитируется в укромной советской деревне.

Prai'ns

По Соображениям Совести

I – Tormentum Belli

Зрение обманывало его. Слишком часто, чтобы становиться чем-то воистину доверительным. Слишком часто, чтобы становиться чем-то воистину надежным. Органы чувств! Что за глупость. Самые настоящие органы обмана. Зрение – портится. Рано или поздно ты всегда остановишься различать, что перед тобой. Прикосновения – изничтожаются. Что твое тело, если внезапно ощутишь ты великую агонию боли? И оно тебя подведет. И оно перестанет пресыщаться чувствами. И оно вновь перестанет. Существовать.

Такова жизнь. И таков путь. Эмоции обманчивы. Поэтому он – никогда их не слушал. Да и, на самом деле, никто из них их не слушал. Не положено им. Верховный канцлер говорит – эмоции обман. Верховный канцлер никогда не ошибается.

Эмоции врут. А Верховный канцлер – нет.

Они находились в строю, маршировали, шаг за шагом, вымощенные будто бы единым камнем. Железной дисциплиной их воля соединялась, невольно боевой транс становился непренебрежительной реальностью, настоящим, инициированным. Искусственным. Все мы были как одно. И я все еще чувствую себя там. Внутри. Поднимающим носок своих ног в такт другим. Я не чувствовал себя одним. Я не чувствовал себя одиноким.

Я был один. Но нас было много.

Вместе мы маршировали по полю. Его давно уже перестали называть Марсовым. Предали старые традиции. Возвели новые. Какая разница?

Ведь когда-то и Вандея билась с Парижем. Конфликт поколений, замена старого новым – это естественно. Почему настоящий ход жизни должен прерываться? Почему следует разрывать то, что было предписано самой судьбой? Нет. Это путь лжи. Что естественно – то не отвратно, не правда ли? Так и великое колесо сансары, так и великое истребление, человеческий геноцид, совершающийся будущим поколением против прошлого во славу великой, новой, восходящей звезды – неужели он должен быть так противен?

Человеческая жизнь – ничто. Так говорил Верховный канцлер. Но при этом именно она – самое важное и потребное, что существует в мире. Каждый должен был готов отдать собственную жизнь Великой Империи, когда она того потребует. Каждый должен быть готов создать жизнь во славу Великой Империи, когда она того потребует. Это неизбежно. Именно это ведет к процветанию. Именно это есть правда.

Так сказал Верховный канцлер.

Я вижу его. До сих пор. В своих снах. Он взшел не так давно, как могли бы считать старики, но совсем недавно, как может наблюдать каждый юноша. Он говорит. Его глаза метают молнии. Toten! – говорил он. Смерть! Смерть им и слава великой нации. Разве мы – не великая нация? Неужели мы должны терпеть ущемление других, лишь ради того, чтобы унижить собственную лужайку? Скажите мне хоть одного человека, хоть одну семью, хоть одно сооб-

щество, что не стало бы охранять самого себя от нападков противника. Не помнит ни одного из подобных история! Ни одного. Так почему, скажите, почему великий народ Германии должен страдать от всего мира? Почему, возведенный в бездну, почему, лишенный всех финансов и благ еврейями, арийский народ должен страдать?

Я видел его. Я его вижу до сих пор. Он видит меня. Он будто бы улыбается мне. А я улыбаюсь ему в ответ. Прямо сейчас. Во время марша. Кажется, все вокруг находили схожую моей мысль. Кажется, все вокруг улыбались ему тоже. Поэтому мы маршировали. Поэтому мы шли вперед. Поэтому мы были готовы воевать.

Не за Верховного канцлера или Великую Империю. Ни за самого себя. Ни за соседей. За нас всех. За нашу родину. За наше будущее. За наших детей.

Недовольным маршем выражали мы свою агрессию. Скалили зубы на усмешки возвышающих себя евреев. Кусали руки, которыми они пытались проявить свое хваленое милосердие.

Этим же маршем мы снесли их троны. Этими зубами мы разорвали их глотки. Этими руками мы забрали их богатство. Наше богатство. То, что они отняли от нас. Мы вернули обратно. И теперь были готовы продвинуться дальше. Мы должны были вернуть долг, что требовала от нас родина. Мы должны были показать всему миру силу нашей нации. Ибо они – ошибались. Ибо они ущемляли нас. Ибо они заставляли нас страдать. Наши детей плакать. Наши семьи – голодать. Ибо мы – правы.

Она была сегодня странно опечалена. С утра, как проснулись – лицо закрыто серыми красками, более не высказывая ни единой привычной для нее улыбки, которую я постоянно наблюдал ежедневной рутинной. Сегодня был день счастья! Но именно ее лик был безмолвен.

– Что с тобой? – проговорил Ганс, нежно прихватывая ее за плечо

Она медленно повернула головой, сбрасывая руку. Медленно повернулась, медленным, немного жалостливым толчком отбросила его, отошла в соседнюю комнату. На кухню.

Он ошалел. Немного попятился, приходя в себя. Для него это было необычайным шоком – столь резкие изменения. Ни сколько в жизни, ни сколько в стране – подобные реформации никогда не изменяют человеческое восприятие в той же мере, как объект обожания, резко, совершенно беспричинно, или же лишь по неведомым для его самого, изменившее поведение.

Быстрыми шагами преследовав ее, он он облокотился на стол, наблюдая за ней. Его лицо все еще не могло скрыть недоумевание. Мягкие черты лица еще больше размягчились, глаза – жертвенно умоляли. Через пару секунд он осмелел, чтобы вновь подойти, вновь спросить:

– Что с тобой?

Она вновь обернулась. Посмотрела в его глаза. Ее сердце, столь тщательно старавшееся огрубеть, ее сердце, столь тщательно старавшееся скрыть собственные чувства, ее сердце, столь чутко реагирующее на каждые из эмоций собственного супруга, размягчилось. Она посмотрела

рела в его жалобные, молящие глаза. Через мгновение – стыдливо отвела взор. Он взял медленно взял ее за руку, второй ухватившись за стул, позволяя ей усесться, занимая место напротив.

– Я совсем скоро вернусь, – он взял ее за обе руки, всматриваясь в ее опечаленные глаза, – Я тебе обещаю. Совсем скоро.

Она вновь постаралась посмотреть на него. Вновь отвела взгляд, всматриваясь куда-то совсем далеко, нежели чем в стену.

– Дело не в этом, – она продолжала говорить, не смотря на него, – Дело не в этом.

Она всхлипнула, и, кажется, была готова заплакать. Он смотрел на нее с еще большей жалостью.

– В чем же тогда? – он склонился перед ней, ухватываясь в ее ладони, что та пыталась от него отдернуть, – Что случилось, mon cherie? Как мне тебе помочь?

– Уже никак – она осмелилась посмотреть на него. Ее глаза окутали слезы. Она больше не была способна играть сильную, – Уже никак!

Она ударила кулаками об стол, заставив Ганса немногим съезжиться. Она высвободилась, поднялась, и, не стесняясь в эмоциях, юркнула на второй этаж. Слушая грохот шагов, отдаваемых деревом лестницы, он сидел, уткнувшись носом в стол.

Меньше, чем через минуту, кто-то постучался. Пробудить Ганса было довольно непросто, и, пока гость уже более агрессивно, надменно, и в некоторой мере жестко не приступил к оповещению хозяев о своем присутствии, тот не был способен подняться и взять в себя в руки. Через мгновение он, сообразив на своем лице импровизированную улыбку, устремился ко входной двери.

– Я рад тебя видеть, – проговорил он, открывая дверь, и, опознав пришедшего, моментально снимая факсимильную улыбку со своего лица, – очень рад тебя видеть.

Мужчина, довольно крепкого телосложения, широкоплечный, в отличии от Ганса, всегда отличавшийся отличной физической формой и соответствующий ей же физической силе, был, подобно нашему герою, не в настроении. Оглядев друг друга, будто бы совершенно невиданной силой, силой, которую люди приобретают лишь в моменты великой дружбы, они смогли друг друга понять.

– Твоя тоже? – низким, временами совершенно устрашающим, но совершенно благонадежным, временами благословенным для Ганса, что иногда, во времена особых передрыг, даже если они не оказываются способны быть победителями, он всегда вызывал на его губах улыбку, проговорил гость

– Моя тоже, – он вздохнул, окинув взглядом пол, – Моя тоже.

– Пройдемся?

– Пройдемся.

Он моментом ступил на лестницу, через секунду оказавшись на лужайке. Выбеленная плитка, зеленоватый газон, – все это, что раньше придавало радость в глубокие моменты печали, все это, что возвращало к жизни даже из самых смертельных ситуаций, когда было ранено тело, никак не могло помочь ему, когда жизнь задела его душу.

– Ревела? – начал гость

– Ревет – ответил Ганс

– Моя уже. Вернусь, уверен, начнет все сначала.

– Это совсем не нормально, Томас! – взревел Ганс, вскидывая руки к небу, – почему же сейчас, когда мы освобождаем весь мир, всю страну, почему именно сейчас, когда мы работаем во славу благого дела, почему именно сейчас этим неведомым существам нужно начать за нас горевать?

– Ну., – он усмехнулся, почесывая затылок, – мы пока еще не освобождаем весь мир. Но мысль твою я понял. Знаешь, моя часто расстраивается. Помню, хотели на одной ярмарке купить ее любимый пирожок с мясом. Не оказалось. Знаешь, сколько она потом мне нервов проела? «Это ты виноват! Ты должен был быть быстрее!».

– Сравнил! Твоя, без обид, настоящая капризница. Но любящая! А моя. Умная. С ней тяжелее.

– Страдания человека соразмерно его силе.

– Что?

– Вычитал недавно.

– Когда ты вдруг начал читать?

– Когда Верховный канцлер начал публиковать собственные статьи в газете.

– Если Верховный канцлер способен заставить тебя читать, то я уверен, принести мир нашей нации для него суший пустяк.

II – Aures habet et non audiet

Сталь сильнее плоти. Таков был план. Таков был устой. Германия знала – будущее не за людьми. С момента, как человек, создавший нечто большее, чем он сам, – двигатель внутреннего сгорания, – поставил сам себя на второй план, он больше не имел никакого права иметь первостепенное значение в театре боевого действия. Как в войне. Так и в политике.

Так и в жизни.

Каждый из людей теперь не только обязан был создавать машины. Каждый человек поныне обязан был не только управлять машинами. Каждый человек должен был стать маши-

ной. Вся Германия – машина. Всегда. Во все времена. Как и в радикальной механизации дисциплины Вильгельма Второго. Так и сейчас. Во времена правления Великого Канцлера.

Китайцы знали еще в древности – скорость есть сила. Но воистину осознали это только немцы. Если сталь способна быть сильнее и быстрее плоти, что ее может остановить?

Так и началось первичное наступление. Хотя в наше время, во время информационной вседозволенности, во время глобализации наук, верований, введения мысли в рационализацию можно легко спутать его с событиями 1 сентября 1939 года, но, пусть даже и затменный повседневными мыслями и запутанный в фундаментализме человеческого происхождения разум не найдет в себе ошибки. Первичное наступление началось в 1926 году. В год основания Hitlerjugend.

Скажи мне друзей твоего сына, и я тебе скажу, кто он таков. Отдай мне твоего сына на воспитание – и я завладею тобою. Будущее – в детях. Верховный Канцлер знал это прекрасно. Лучше, чем остальные. Лучше, чем советское правительство, что вело столь активную пропаганду, довольно успешную, но не столь эффективное, как немецкое. Ибо скорость – есть сила. Ибо сталь – сильнее плоти. Так и ребенок нового поколения должен был стать сталью. Должен был стать машиной.

Оказаться под влиянием чуждых, совершенно необычайных идей – одна сторона монеты. Как писалось в Библии – оскверняет человека не то, что в него входит, но лишь то, что из него исходит. Можно иметь идей в достатке, какой смысл в них, коли его носитель не находит способности обнаружить в себе силы, возможности их реализовать? Кажется, создатель этого неведомого механизма отчетливо понимал, какой следующий шаг в реализации собственных планов был наиболее корректным.

Они обратились к Азии.

Бусидо. Путь воина. Путь самурая. Ямамото Цунэтомо дал все ответы Верховному Канцлеру. Разбив его на куски, полностью расчленив, почти что изничтожив и перебросив под собственную идеологию, дети учились обесценивать жизнь. Чужую. Собственную. Они были готовы отдаться за маршалла, ведущего их в бой.

Но самое главное – они были готовы сделать это вместе.

Идея шатка и рушима. Действия возможно опровергнуть. Человек слаб в полном одиночестве. Лишь когда его идеи находят отклик, поддержку у стоящих рядом, лишь тогда, когда его действия комплементируют и поддерживают действия других, приближенных к нему, лишь тогда он способен быть стойким. Нерушимым. Лишь тогда они становились машинами. Лишь тогда они были достаточно быстры, чтобы обогнать танки. Лишь тогда они были достаточно крепки, чтобы собственным духом разломить сталь.

Как бы назвал их старый добрый Ницше? Белокуроыми бестиями. Существами, чья свобода была ограничена только их целью. И даже смерть не смогла бы оказаться для них существенным препятствием.

Машина оказалась достойна машины. Безусловно, создать машину – великое достижение. Это может сделать человек. Но человек никогда не будет способен управлять машиной. На это способен только равный ей. На это способна другая машина.

Отринуть себя во славу идеи, – это философия Верховного канцлера. Изощренная, переосмысленная, но в некоторой мере правдивая. Именно она во все времена была способна сподвигнуть человека к великому. Наверное, всегда сподвигала. Лишь от того, что человек сам считал – он стремится к великому. Наверное лишь от того, что с юношества, сладкого детства отвергнувшийся от первоначальных идеалов и ослепленный внушаемой мыслью человек не считал свои поступки чем-то за гранью вон выходящего. Чем-то неправильным.

Верховный канцлер имел армию сверхлюдей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.